13. Corruption perceptions index [Electronic resource] // Transparency International. – Mode of access: <https://www.transparency.org/en/cpi/2019/results/table#>. – Date of access: 27.03.2022.

14. Lal, V. Subaltern studies and its critics: debates over Indian history / V. Lal // *History. Theory*. – 2001. – Vol. 40, № 1. – P. 135–148.

Siarhei Zlobin

Institute of History of the NAS of Belarus, Minsk

E-mail: ZlobinSSSS@mail.ru

RELEVANCE OF THE CONCEPT ‘SUBALTERN’ IN MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF INDIA

The article discusses the possibility of using the concept of ‘subaltern’ to refer to the subject of modern and colonial history of India. The genealogy of this concept is highlighted, how and when it appeared. The criticism of the concept of ‘subaltern’ is considered, which consists in the fact that this concept is too general and ignores the details. However, the prospects for using the concept of ‘subaltern’ in modern historiography of the history of India are also indicated.

Keywords: subaltern, colonialism, colonial power, modernity, exploitation, Subaltern Studies school, R. Guha, G. Spivak.

УДК 321.6/.8(4-15)"15/16":930(470)"1941/1945"

Л. В. Ландина

Белорусский государственный университет

культуры и искусств, Минск

E-mail: larisa-hist@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ XVI–XVII ВЕКОВ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1941–1945 ГОДОВ

В статье раскрываются изменения проблемного поля исследований советской медиевистики, обусловленные идеологическими и политическими реалиями Великой Отечественной войны. Указывается, что при доминировании тематики войн, международных отношений и национально-освободительных движений проблематика изучения государства и его политических институтов тем не менее не потеряла в тот период своей актуальности.

Ключевые слова: историография, советская медиевистика, Великая Отечественная война, государственные институты, абсолютизм, классовая борьба, концепция «равновесия».

К началу 1940-х гг. в советской медиевистике уже установился методологический канон, сохранивший свою устойчивость вплоть до второй половины 1980-х гг. Его теоретической основой служили произведения классиков марксизма, а формой выражения – пятичленная схема социально-экономических формаций, в рамках которой трактовки всемирной и российской истории были нивелированы. Классовый подход в рассмотрении событий, процессов и персоналий требовал их оценки с позиций классовой борьбы и интересов народных масс, а исторический материализм – признания первичными в историческом развитии социально-экономических факторов. Государству как главному элементу идеологической надстройки над экономическим базисом, выражавшему интересы господствующего класса, также придавалось большое значение.

Период XVI–XVII вв. в установившейся в военные годы периодизации относился к позднему средневековью, но XVII в. был пограничным – начало Английской революции знаменовало собой вхождение в период Новой истории. Социально-экономической формацией эпохи Средневековья считалась феодальная, а доминирующей формой европейского государства названного периода – абсолютная монархия, или абсолютизм, называемый также феодально-абсолютистским строем. Абсолютизм интерпретировался в русле концепции «равновесия». Суть ее состояла в равновесии сил экономически поднимавшейся буржуазии и политически ослабевающего дворянства, что использовала монархия, превращавшаяся из сословно-представительной в абсолютную. Нужно сказать, что и сама концепция «равновесия», имплицитно уже давно существовавшая в историографии, обрела свою каноническую формулировку также накануне Великой отечественной войны и в 1941 г. была изложена в известной статье доктора исторических наук С. Д. Сказкина «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме» [1].

Великая Отечественная война внесла ряд корректив в описанную выше ситуацию. С ее началом все советское общество переходило на режим военного времени, и историческая наука не была исключением. Первоочередной задачей стала эвакуация научных учреждений и их сотрудников. Так, в отчете о работе за первое полугодие 1943 г. Ленинградского отделения Института истории (далее – ЛОИИ) АН СССР отмечалось: «Научные силы ЛОИИ были разбросаны по следующим городам: Москва, Ташкент, Казань, Саратов, Елабуга, Алма-Ата» [2, л. 2].

В связи с эвакуацией возникали многочисленные проблемы. Например, в объяснительной записке к отчету о работе ЛОИИ за 1944 г. отмечено: «Большая часть работников находилась в Ташкенте, часть имела своим местопребыванием Москву, некоторые в Ленинграде. Чрезвычайно неблагоприятны были и те бытовые условия, в которых приходилось жить в 1944 г. работникам Ленинградского отделения. В Ташкенте это были условия жизни в общежитии; товарищи в Москве, как правило, не имели своей площади и пользовались жилищной площадью родных и знакомых, стесненных, обычно, в смысле помещения. Бытовая обстановка для сотрудников ЛОИИ ленинградцев также была трудной, ибо последствия только что сброшенной блокады давали сильно себя чувствовать и сказывались на личной жизни работников. Выбитые стекла в квартирах, после бывших бомбежек и обстрелов, отсутствие топлива, плохое состояние городского транспорта и т. д., конечно, мешали налаживанию правильной научно-исследовательской работы. Само помещение Ленинградского отделения также находилось в состоянии, непригодном для развертывания в нем работы. Большинство окон были без стекол, фанерные щиты на месте стекол делали помещения темными, отсутствие топлива – холодными. Перенесенная большинством сотрудников ленинградского отделения блокада вызвала тяжелые заболевания – дистрофию и цингу, от которых в 1944 г. никто из сотрудников оправиться еще не мог» [3, л. 4–5].

Однако научная работа велась и в таких условиях. В 1942 г., в самый тяжелый период войны, вышел первый номер журнала «Средние века» – специализированного издания советских меди-

вистов. В его редакционной статье формулировалась задача советской медиевистики – раскрыть «подлинный смысл истории жизни народов в свете марксизма-ленинизма» [4, с. 3]. При этом в числе основных направлений было названо изучение социальных основ сословной и абсолютной монархий на Западе [4, с. 5].

Задачи исторической науки были подчинены идеологии и целям военного времени. Соответственно, произошло и изменение проблемного поля исследований. Социально-экономическая проблематика утратила доминирующую позицию. Приоритетными стали разоблачение германской историографии, борьба славянских народов с германской агрессией, роль России в международных отношениях, история войн и освободительных движений, деятельность выдающихся полководцев и т. д.

С середины 1945 г. в ЛОИИ была создана группа истории Западной Европы под руководством академика Е. В. Тарле. Среди плановых работ группы, в частности, были «Екатерина II и ее дипломатия» Е. В. Тарле, и «Россия и Тридцатилетняя война. Очерки по истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII века» О. Л. Вайнштейна [5, л. 4–5].

Несмотря на меньшую, по сравнению с более поздними периодами всемирной истории, идеологическую заостренность проблем Средневековья, оно также стало ареной идеологической борьбы. В первом номере «Средних веков» об этом говорилось так: «Особая роль на историческом фронте разоблачения фашистского мракобесия принадлежит медиевистам. Средние века – это излюбленная тема кликушеских извращений фашистских “историков”, преследующих политическую цель “приспособления” истории средневековья для обоснования притязаний “Третьей империи” на господство над народами Запада и Востока Европы... Уничтожить этот реакционный утопизм, развернув истинную историю средних веков, разящими аргументами сокрушить попытки формирования фашистской “концепции” истории средневековья – такова благодарная и почетная задача советских медиевистов» [4, с. 6]. Нужно сказать, что эта задача неуклонно выполнялась, что, в частности, подробно отражено в работе современного российского исследователя А. В. Свешникова [6].

Проблематика государственных институтов, в частности, абсолютизма, не находилась на острие идеологической востребованности в 1941–1945 гг. Однако она традиционно входила в число важнейших направлений работы историков. Так, Е. А. Косминский, подытоживая изучение истории средних веков за 25 лет, отмечал: «Из вопросов политических наибольшее внимание советских медиевистов привлекали вопросы социальной характеристики абсолютизма в его французской классической форме» [7, с. 212].

Абсолютизм считался дворянским государством периода позднего феодализма, в котором выражающая волю феодалов королевская власть усиливается благодаря соперничеству дворянства и буржуазии. В годы войны абсолютизм рассматривался как смежная, фоновая проблема при изложении идеологически более актуальных вопросов. Например, в первом номере «Средних веков», статья З. В. Мосиной о создании абсолютных монархий XVI в. является изложением конспекта К. Маркса. Она называется «Хронологические выписки» Маркса (III тетрадь) и написана в связи с идеологически значимым выходом VII тома Архива Маркса и Энгельса [8]. Исследование О. Л. Вайнштейна, посвященное Тридцатилетней войне, несомненно, рассматривая западноевропейские абсолютные монархии и Россию, все же выдвигало на первое место внешнеполитические процессы.

Тем не менее было бы ошибочно полагать, что в области западноевропейской государственности исследования не проводились.

Например, в отчете кафедры истории средних веков Московского государственного университета за 1942–1943 гг. отмечено, что на ее заседаниях 2 февраля и 9 марта были сделаны два доклада об абсолютизме. На февральском заседании прозвучал доклад Б. Ф. Поршнева «Некоторые вопросы истории Тридцатилетней войны», а на заседании в марте выступила А. Д. Люблинская с докладом «Франция после смерти Генриха IV» [9, л. 1]. Проблема абсолютизма включалась в исследования по истории войн и международных отношений. Например, темой работы О. Л. Вайнштейна стала история Тридцатилетней войны и Вест-

фальского мира (1618–1648). Среди других публикаций О. Л. Вайнштейн подготовил статью «История Англии в трудах русских ученых» [3, л. 4]. Особое место в «Истории Тридцатилетней войны» занимала проблема «Россия в Тридцатилетней войне» [3, л. 3].

Рассмотрение абсолютизма как основной проблемы неизменно сохранялось в учебной литературе. В Отделе рукописей РГБ, в фонде Б. Ф. Поршнева, находятся его лекции, датированные 1941–1942 гг. и написанные в образной и живой манере. В русле своей концепции исследователь характеризует Францию XVII в., с одной стороны, как «самый блестящий век французской истории», а с другой – как «белое пятно» по сравнению с XVI и XVIII в. [10, л. 17, 18 об.]. Это период невиданного размаха классовой борьбы, когда «абсолютизм вел двойную войну – внешнюю и внутреннюю – одинаково трудную по напряженности» [10, л. 19, 19 об.].

Говоря об эпохе Людовика XIV, Б. Ф. Поршнева сопоставляет Англию и Францию, позиционируя первую как страну классического капитализма, а вторую – классического феодализма [11, л. 1–3]. Сравнивая оба государства, историк указывает на то, что надлежит обращать внимание не на капиталистическую промышленность, а на степень устойчивости феодального строя. Английский феодализм «отмечен чертами неполного развития», ввиду чего произошла ранняя буржуазная революция, где выступали союзниками буржуазия и дворянство. Во Франции такая революция была невозможна, здесь не происходило обуржуазивания дворянства [11, л. 2–3].

«Французское государство XVII в., основанное на принципе абсолютного (неограниченного) самодержавия короля, по своей классовой природе было диктатурой дворянства», – подчеркивает Б. Ф. Поршнева. Далее он разъясняет, что назначением этого государства «была защита феодального строя, уже обреченного историей, от всех антифеодальных сил, созревших в недрах феодального строя» [11, л. 25].

Б. Ф. Поршнева образно характеризует внутреннюю политику «короля-Солнца»: «Даже во время бала, карточной игры или представления “король-Солнце” имел обыкновение время от времени

удаляться для чтения почты и выслушивания дел. Это не было его личной прихотью. Государственная система на самом деле достигла такой степени централизации, что все почти нити управления сходились, в конце концов, в одну точку, и из этой точки только и могли исходить все законы и повеления. Франция – это двор, государственная власть – это воля короля, пронизывающая, как луч настоящего солнца, всю жизнь подданных – так представляли себе сущность политической системы деятели дворьянской абсолютной монархии» [11, л. 84 об.].

В годы войны продолжалось издание лекций по истории средних веков и Нового времени. В 1941 г. вышли две лекции С. Д. Сказкина об Английской революции. Ее предпосылки определялись традиционно: «Английской буржуазной революции предстояло... уничтожить феодальные отношения в городе и деревне, свергнуть абсолютизм и расчистить путь для свободного капиталистического развития» [12, с. 5].

В середине 1940-х гг. осуществился переход к сохранившейся до конца 1980-х гг. периодизации, в соответствии с которой эпоха Средневековья заканчивалась Английской буржуазной революцией. В лекционном курсе по истории Средних веков С. Д. Сказкина и А. Д. Удальцова, вышедшем в 1944 г., четко прописано изменение периодизации. Авторы сообщают, что последний период Средневековья «мы начинаем с XVI в. и кончаем кануном Английской революции» [13, с. 6]. Сюжет о политическом развитии европейских государств был сфокусирован на проблематике абсолютной монархии. В свою очередь, это проблемное поле было представлено материалом о ведущих европейских странах данного периода – Испании, Франции и Англии [13, с. 235–270]. Выпущенный в 1944 г. курс лекций послужил образцом для последующих изданий – в 1946 г. [14], в 1948 г. [15] и в 1952 г. [16]. Наконец, в 1945 г., ввиду изменившейся периодизации, материал С. Д. Сказкина, охватывающий время от Английской до кануна Французской революции, был представлен уже в лекциях по Новой истории [17].

Таким образом, развитие советской медиевистики в годы Великой Отечественной войны приобрело специфические черты,

обусловленные сложившейся ситуацией. Резко ухудшились внешние условия работы историков, связанные с необходимостью жить в эвакуации, стесненными условиями быта и научной работы, общим самочувствием и т. д. Функционирование исторической науки было подчинено идеологическим целям войны, среди которых главное место занимало разоблачение германской историографии. Существенно изменилось и проблемное поле исследований: главное место в ней заняли темы «оборонного значения» – войны, внешняя политика, противостояние славянских народов германскому «натиску на Восток», национально-освободительные движения и т. д. В данной ситуации отошло на второй план исследование собственно государства и его институтов, т. е. западноевропейской абсолютной монархии. Однако анализ источников показывает, что разработка данной темы никоим образом не прекращалась, а в учебной литературе она неизменно оставалась на приоритетных местах.

Литература и источники

1. Сказкин, С. Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме / С. Д. Сказкин // Ученые записки / Московский городской педагогический институт. – М., 1941. – Т. 3 : Кафедра Исторического факультета. – Вып. 1. – С. 3–25.
2. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 133. Оп. 1 (1943). Д. 3.
3. СПбФ АРАН. – Ф. 133. Оп. 1. (1944). Д. 4.
4. Задачи советской исторической науки в области изучения средних веков // Средние века. – М., 1942. – Вып. 1. – С. 3–6.
5. СПбФ АРАН. – Ф. 133. Оп. 1 (1945). Д. 4.
6. Свешников, А. В. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930-х – 1940-х годов / А. В. Свешников // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 2. – С. 86–112.
7. Косминский, Е. А. Изучение истории средних веков за 25 лет / Е. А. Косминский // Двадцать пять лет исторической науки в СССР / под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле, А. М. Панкратовой. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук, 1942. – 288 с. – С. 209–215.
8. Мосина, З. В. «Хронологические выписки» Маркса (III тетрадь) / З. В. Мосина // Средние века. – 1942. – Вып. 1. – С. 202–211.
9. Архив Российской академии наук (АРАН). – Ф. 1577. Оп. 2. Д. 3.

10. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 684. Оп. 2. – Д. 4.
11. ОР РГБ. – Ф. 686. К. 6. Д. 9.
12. Сказкин, С. Д. Буржуазная революция в Англии / С. Д. Сказкин. – М. : [Б. и.], 1941. – 20 с.
13. Удальцов, А. Д. История средних веков : курс лекций, прочит. в Высш. парт. школе при ЦК ВКП(б) / А. Д. Удальцов, С. Д. Сказкин. – М. : [Б. и.], 1944. – 275 с.
14. Удальцов, А. Д. История средних веков : курс лекций, прочит. в Высш. парт. школе при ЦК ВКП(б) / А. Д. Удальцов, С. Д. Сказкин. – М. : Тип. им. Сталина : Тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1946. – 271 с.
15. Удальцов, А. Д. История средних веков : курс лекций, прочит. в Высш. парт. школе при ЦК ВКП(б) / А. Д. Удальцов, С. Д. Сказкин. – М. : Тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1948. – 320 с.
16. Удальцов, А. Д. История средних веков : курс лекций, прочит. в Высш. парт. школе при ЦК ВКП(б) / А. Д. Удальцов, С. Д. Сказкин. – М. : Тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1952. – 222 с.
17. Сказкин, С. Д., Ефимов, А. В. Новая история. От английской буржуазной революции до Венского конгресса : лекции, прочит. в 1944 г. в Высш. парт. школе при ЦК ВКП(б) / С. Д. Сказкин, А. В. Ефимов. – М. : Тип. Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) : Тип. ф-ка юнош. книги изд-ва «Мол. гвардия», 1945. – 183 с.

Larisa Landina

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk

E-mail: larisa-hist@mail.ru

**POLITICAL HISTORY OF THE WESTERN EUROPEAN STATES
OF THE 16th–17th CENTURIES
IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY OF 1941–1945**

The article reveals transformations in the problem field of Soviet medieval studies caused by the ideological and political realities of the Great Patriotic War. The author points out that studies of military subjects, international relations, and national liberation movements prevailed. Nevertheless, the problems of studying the state and its political institutions have not lost their relevance.

Keywords: historiography, Soviet medieval studies, state institutions, absolutism, class struggle, concept of ‘equilibrium’.